

Д. В. Марьин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

dvmariyin@mail.ru

В. М. ШУКШИН-ПУБЛИЦИСТ: НАЧАЛО

Автор обращается к описанию и анализу первых публицистических текстов известного русского писателя В. М. Шукшина. Уже в 1953–1954 гг. им были написаны, по меньшей мере, четыре работы, которые могут быть отнесены к публицистическим жанрам. Первые опыты будущего известного писателя в печатном слове ранее не становились объектом исследования в истории журналистики. Автор на материале анализа доказывает, что уже в этих работах проявились основные особенности тематики, языка и поэтики, свойственные произведениям зрелого Шукшина-публициста. Подробно анализируются история создания первых работ, их жанровые, языковые и композиционные особенности. Уделяется особое внимание роли первых публицистических произведений в биографии В. М. Шукшина, а также в контексте всего его творчества.

Ключевые слова: история журналистики, русская литература XX века, публицистика, жизнь и творчество В. М. Шукшина.

Публицистическая деятельность не относится к главной части творческого наследия В. М. Шукшина, оставаясь на периферии знаменитой триады «писатель, актер, кинорежиссер». Между тем число публицистических текстов (статьи, интервью, беседы) в восьмом томе нового девятитомного собрания сочинений писателя достигает 61 единицы [Шукшин, 2014. Т. 8. С. 5–211]¹, что даже в количественном отношении делает их существенной частью творчества В. М. Шукшина. Нельзя не согласиться с А. И. Куляпиным, отмечающим, что в середине 1960–1970-х гг. статьи и интервью писателя и кинорежиссера становятся важным средством выражения его идейно-эстетической позиции [2012. С. 10].

Если программные статьи Шукшина не раз попадали в фокус внимания исследователей, то ранним публицистическим выступлениям писателя повезло гораздо меньше.

Более того, некоторые ранние статьи и интервью В. М. Шукшина («Главное звено», «Актером я стал случайно», «Живет такой парень», «Сказка о Пессимисте и Оптимисте» (Т. 8. С. 15–16, 80, 80–81, 85 и др.) до недавнего времени не включались в официальную библиографию его творчества [Василий Макарович Шукшин, 1994. С. 21].

Первые шаги В. М. Шукшина в публицистике требуют более пристального внимания исследователей еще и потому, что Шукшин-публицист проявил себя в печатном слове гораздо раньше, чем Шукшин-беллетрист. Ведь первый известный на сегодня опубликованный текст писателя – это статья в срастинской районной газете «Боевой клич» от 11 октября 1953 г. под названием «Учиться никогда не поздно» (Т. 8. С. 8–9).

Приход Шукшина в публицистику не был случайным. Обращение к биографии писателя показывает, что первая статья в районной газете на актуальную тему была сознательным шагом, следствием активной

¹ Далее в круглых скобках указаны том и страницы этого издания.

гражданской позиции вернувшегося в родное село демобилизованного матроса, ищущего свой путь в жизни. М. М. Ельчанинова, в 50-е гг. заведующая отделом пропаганды и агитации Сростинского райкома партии, вспоминает, как однажды (очевидно в апреле 1953 г.) В. М. Шукшин обратился к ней с просьбой: «“Мария Михайловна, Вы разрешите мне выступить где-нибудь с беседой или докладом о Дне радио? Вот мои записи”. Посмотрела, они мне понравились. <...> Я и говорю ему: “Давай, Вася, выступи в Доме культуры”. <...> Выступил. Потом снова приходит: “Вы можете мне поручить небольшую аудиторию, чтобы я проводил беседы по текущим вопросам?” Конечно, я с радостью согласилась» [Гришаев, 1994. С. 108]. Публикация в районной газете стала следующим шагом. К этому времени В. М. Шукшин уже вступил в ВЛКСМ (11 апреля 1953 г.), начал работу в качестве учителя Сростинской школы сельской молодежи, а с 17 октября 1953 г. стал исполнять обязанности директора школы. Одиннадцатого ноября 1953 г. он единогласно был избран секретарем учительской комсомольской организации при Сростинской средней школе. Эту должность В. М. Шукшин исполнял вплоть до своего отъезда в Москву для поступления во ВГИК в июле 1954 г. За время работы секретарем комсомольской организации В. М. Шукшин избирался делегатом на районную комсомольскую конференцию, в рамках агитационно-массовой работы выступал с лекциями перед сельской молодежью. Образ комсомольского вожака, мотавшегося по району «в сером от пыли райкомовском газике», в будущем станет «визитной карточкой» начинающего писателя, актера и кинорежиссера в газетных очерках о нем [Богданович, 1965. С. 3]. Вскоре за первой статьей последовала и другая – «Больше внимания учащимся вечерних школ» (Т. 8. С. 9–10). Обратимся к анализу первых шукшинских публицистических работ.

С жанровой точки зрения перед нами практико-аналитические статьи [Чумиков, 2014. С. 62], рассматривающие конкретные проблемы в сфере вечернего образования. Обе статьи имеют много общего: нарочитая назидательность, митинговый, пропагандистский стиль, констатация, в общем-то, банальных, но идеологически верных положений, обилие готовых лексических и фра-

зеологических штампов, обычных для советских СМИ («*сознательность трудящихся масс*», «*царской России*», «*полного торжества коммунизма в СССР*», «*задача коммунистического воспитания*», «*рабочим классом и колхозным крестьянством*» и т. п.). В данном случае сказался опыт выступления автора на комсомольских собраниях, участия в агитационных мероприятиях, что не могло не отразиться на стилистике статей. Особенно явно указанные черты присутствуют в статье «Учиться никогда не поздно», что практически обезличивает ее, лишает авторской индивидуальности. Видно, как в своем первом появлении перед читателями будущий писатель предпочитает спрятаться за обезличенными, но зато бесспорными идеями и готовыми, проверенными штампами, не способными вызвать у кого бы то ни было сомнения. Таким образом, в обеих статьях, в целом, отсутствует одно из главных свойств языка зрелой публицистики Шукшина – непринужденность акта коммуникации, понимаемая как естественная речь, лишенная напряжения, неловкости [Творчество В. М. Шукшина, 2004. С. 193].

Тем не менее первые публицистические работы В. М. Шукшина содержат и ряд языковых черт, характерных для публицистики писателя в целом. В статье «Больше внимания учащимся вечерних школ», несмотря на сохраняющуюся «робость» автора, видны уже хорошо знакомые нам по зрелым работам шукшинские юмор и ирония как средства создания экспрессии: «Так, на вопрос: “Почему Вы не учитесь?” товарищи Соколова Р., Дегтярева М. и другие из колхоза “Путь к коммунизму”, тяжело вздохнув, отвечают: “Да куда уж нам...”. Причем этим “старушкам” по 25 лет, или: Некоторые комсомольцы, записавшись в школу, решили, что они выполнили свой долг, что теперь можно со спокойной душой проходить мимо школы... на танцы» (Т. 8. С. 9). Учитывая, что в обеих статьях критика автора направлена на определенные социальные явления и отчасти на конкретных лиц, можно говорить о фельетонном характере первых публицистических работ В. М. Шукшина. Здесь уже явно прослеживается преемственность с творческой работой Шукшина при поступлении во ВГИК – «Киты, или о том, как мы приобщались к искусству» (1954 г.), где фельетонные черты выра-

жены еще ярче (см. ниже). Впоследствии комическое станет неременным атрибутом зрелой публицистики писателя. В статье «Как я понимаю рассказ» для иллюстрации собственного видения композиционного строения рассказа Шукшин введет вымышленный комический эпизод со старушкой, которая «за углом брякнулась на мостовой» (Т. 8. С. 13). В статье «Вопрос самому себе» юмористически обыгрывается как «хороший, серьезный фильм пришел в деревню и нашел там своего зрителя, предположим, Сидорова» (Т. 8. С. 20). И даже в статье «Признание в любви» («Слово о «малой родине»), где писатель, по сути, отвечает на серьезные упреки земляков, В. М. Шукшин не удержался от комических моментов, показав «тетю-пассажирку», ночью заходящую в купе автора в поисках свободного места, а затем еще и пригласившую свою «товарку» (Т. 8. С. 56).

Перейдем к анализу поэтики первых публицистических работ Шукшина. Автор использует нейтральную лексику, полностью отсутствуют диалектизмы и просторечные формы. Необычно для стиля зрелого Шукшина-писателя и публициста абсолютное преобладание в текстах первых статей сложных предложений: налицо стремление молодого автора к «красивости», ложному изяществу стиля. В статье «Учиться никогда не поздно» в качестве приема организации экспрессии Шукшин использует *повтор*. Главная идея, которую автор хочет донести до читателя, повторяется в тексте трижды: в заглавии статьи «Учиться никогда не поздно», в трансформированном виде в реплике «молодежи и взрослых» – «Мне *поздно учиться*» и в предложении «Учиться *никогда не поздно* – мысль не новая, но столь верная, что ее необходимо высказать еще раз» (Т. 8. С. 8). При этом две последние фразы образуют *антитезу* (*поздно учиться – учиться никогда не поздно*), еще один из характерных для публицистики В. М. Шукшина прием создания экспрессии.

Особенностью поэтики зрелой шукшинской публицистики, проявившейся уже в ранних статьях, является также и *диалогичность* повествования. Диалогичность – конститутивная особенность текстов В. М. Шукшина [Творчество В. М. Шукшина, 2004. С. 196], главным образом публицистических. В них всегда присутствует оппонент – реальный (например, «товарищи

Соколова Р., Дегтярева М. и другие из колхоза «Путь к коммунизму»» (Т. 8. С. 9) или собирательный (см. в статье «Учиться никогда не поздно»: «Однако довольно часто, причем, без оснований можно слышать от молодежи и взрослых возражения: “Мне уже поздно учиться”» (Т. 8. С. 8). В. М. Шукшин в каждом произведении настроен на диалог, на дискуссию, сознательно драматизируя повествование. Нередко в качестве приема, диалогизирующего монолог, выступает *риторический вопрос*. В статье «Больше внимания учащимся вечерних школ» риторический вопрос («Но чем объяснить равнодушие руководителей, которые не очень-то заботятся о повышении общеобразовательного уровня трудящихся, зная о том, что ближайшие годы поставят их перед лицом еще более сложных задач?») предваряет диалог с двадцатипятилетними «старушками» (Т. 8. С. 9).

Уже в первых статьях В. М. Шукшин обращается к проблемам, которые он не раз поднимет в своей зрелой публицистике: проблемы образования и культуры, тесно связанные между собой в творчестве писателя. Проблема культуры наиболее явно поставлена Шукшиным в статьях «Вопрос самому себе», «Монолог на лестнице» «Я тоже прошел этот путь», «Мода...», отчасти «Завидую тебе» и «Признание в любви», в беседах «Слушая сердце земли», «Судьбу выстраивает книга» и др. Одним из важнейших показателей культуры для писателя является *образование*. В ранних статьях В. М. Шукшин настойчиво утверждает неизблемую для него самую истину: культурный уровень человека напрямую зависит от уровня его образования. «Повышение своего общеобразовательного и культурного уровня – это то, что мы называем гражданским долгом перед Родиной» (Т. 8. С. 9). Эта вечная тяга к знаниям – не просто жизненный принцип писателя, это – объективное требование времени: «Необходимость серьезных и глубоких знаний диктует сама жизнь» (Т. 8. С. 8) (ср. с репликой Шукшина из беседы 1973 г.: «Теперь надо кончать академии и всерьез кончать» (Т. 8. С. 130). Образование формирует судьбу человека. «А этот балбес... смотрит в книгу, а видит, конечно... все, что угодно, только не формулу. Улица на уме! Хватишься потом! Ближе локоть, да не укусишь. Куда она уйдет от тебя, эта улица?! Никуда не уйдет!

Будешь потом лес ворочать... без образования-то» [Шукшин, 1979. С. 2].

Роль знания, образования, в понимании В. М. Шукшина, конечно, не ограничивается распределением людей по социальной лестнице. Именно образование помогает отличить истинную культуру от культуры ложной, суррогатной. Противопоставление истинной и ложной культур для писателя отнюдь не связано с оппозицией деревни и города, в чем неоднократно обвиняли Шукшина критики. Для алтайского писателя не существует культуры городской и культуры сельской. Есть культура истинная, присущая интеллигенту, и есть культура мещанская, присущая «производителю культурного суррогата», автору «ковров-книг», «ковров-фильмов», «ковров-лекций», «ковров-концертов» («Вопрос самому себе»). И если город, с его значительной прослойкой интеллигенции, может отличить истину от суррогата, то деревня отдана на откуп мещанину... Потому-то так необходимо «сельскому жителю» стремиться к образованию, к повышению своего культурного уровня. Потому-то так настойчив в своем требовании к сельской молодежи учиться молодой педагог, а позже директор Сростинской вечерней школы, потому так горячо взывает он к совместной работе в деле обучения к руководителям «предприятий, колхозов и совхозов», к локальным комсомольским организациям...

Говоря о первых публицистических опытах В. М. Шукшина, нельзя не упомянуть еще об одном тексте. Это небольшая заметка (в жанровом отношении – «событийная заметка» [Чумиков, 2014. С. 58]) под названием «Концерт для избирателей», опубликованная в газете «Боевой клич» от 14 марта 1954 г. (С. 1) за подписью «М. Куксина». Есть основания считать, что за данным псевдонимом скрылся сам В. М. Шукшин (см. подробнее: [Марьин, 2012. С. 117–120]), поэтому в девятом томе нового девяти томного собрания сочинений писателя этот текст помещен в раздел «Dubia» (Т. 9. С. 145). Заметка сообщает о прошедшей постановке силами учащихся Сростинской средней школы пьесы советского драматурга А. Д. Симукова «Капитан в отставке». Язык заметки обезличен, изобилует штампами, из излюбленных шукшинских приемов поэтики здесь встречается только *антитеза* («<...> на сцене всего лишь только

школьники, а не профессионалы-артисты» (Т. 9. С. 145). Заметка примечательна тем, что в ней В. М. Шукшин впервые обращается к теме творчества, искусства, что станет одним из главных мотивов его зрелой публицистики.

Тема искусства будет продолжена и в написанной абитуриентом с Алтая вступительной работе во ВГИК под названием «Киты, или О том, как мы приобщались к искусству» (1954) (Т. 1. С. 323–325). Прежде всего, возникает проблема определения ее жанра. Обычно применяемое определение «творческая работа» слишком условно, окказионально и учитывает лишь обстоятельства написания (вступительные испытания в институте), но совершенно не отражает всей специфики данного произведения. Киновед Л. Д. Ягункова определяет жанр этого текста как «режиссерский этюд» [2009. С. 75]. Американский исследователь творчества В. М. Шукшина Дж. Гивенс назвал эту работу «эссе» [Givens, 1996. P. XVIII]. В. И. Коробов видит в нем прообраз будущих статей писателя [1984. С. 32]. Однако, как нам представляется, вполне возможно, учитывая определенный опыт Шукшина-публициста, считать «Китов» произведением художественно-публицистического жанра, по меньшей мере, гибридом публицистической статьи, очерка и фельетона.

В этой работе Шукшин вновь обращается к проблемам, затронутым в первых, «сростинских» статьях. В краткой характеристике своей абитуриентской работы писатель ее проблематику представил, конечно, слишком общо: «о чем спорим, о чем шумим, на что гневаемся, на что надеемся» (Т. 8. С. 100). По мысли Дж. Гивенса, в работе «Шукшин выразил мысль, которая будет резонировать в течение всей его творческой карьеры: во ВГИКЕ он увидел не только настоящую социальную дихотомию, но и скрытое противопоставление культурных ценностей» [Givens, 1996. P. XVIII], таким образом, в работе писатель вновь поднимает проблему культуры. Антагонистами автора в эссе выступают «киты». «Киты» – «люди, у которых прямо на лбу написано, что он – будущий режиссер или актер» (Т. 1. С. 323) – явные представители городской интеллигенции. Они умеют «не задумываясь говорить о чем угодно, и все это красивым, легким языком», «вкусно курить», не выносят «грязного воротничка», создают вокруг

себя «обаятельную атмосферу из запаха дорогого табака и духов» и даже обладают особенной, «культурной», походкой – «с энергичным выбросом голени вперед». Для самого Шукшина это, безусловно, лишь ложные элементы интеллигентности и приобщения к культуре, аналогами которых в зрелом творчестве станут шляпа, галстук, телевизор, сервант и т. д. («Монолог на лестнице», «Печки-лавочки» и др.). «Киты», таким образом, представляют цельный социальный тип, а свойственные Шукшину юмор и ирония, с помощью которых он развенчивает «культурные» атрибуты «китов», придают работе сатирический оттенок, так что местами она напоминает фельетон.

Однако проблема культуры, обычно для зрелого Шукшина принимающая форму противопоставления истинной интеллигентности и мещанства, в эссе осложняется мотивом противопоставления культуры западной и культуры отечественной. Когда «киты» вечером запевают романс «Ваши пальцы пахнут ладаном...» эмигранта Вертинского, автору-рассказчику и его товарищам становится «странно немножко». Ведь дома они «пели “Калинушку”, читали книжки, любили степь и даже не подозревали, что жизнь может быть такой сложной». Кроме того, «киты» у Шукшина обладают внешними признаками «стиляг», порожденных западным влиянием в советской массовой культуре 50–60-х гг. XX в. Полное, иногдаходящее до фанатизма, неприятие стиляг – одна из характерных черт нравственно-эстетической позиции В. М. Шукшина в период первых лет учебы во ВГИКе. Известно, что, будучи в 1954–1955 гг. сначала секретарем, а затем членом бюро комсомольской организации постановочного факультета ВГИКа, Шукшин активно боролся со стилягами. О перипетиях кампании против стиляг сам писатель позже с легкой иронией упомянет в незаконченной статье, условно названной «Мода...» (1969): «Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти “узкобрючники”, что, утратив еще и чувство юмора, всерьез стал носить...сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь» (Т. 9. С. 42). В работе, в итоге, четко разделяются два мира: мир «китов» – ложный, ненастоящий и мир автора – реальный, настоящий. Двоемирие – один из характерных приемов поэтики В. М. Шукшина.

Тема, к которой Шукшин вновь обращается в «Китах», как мы уже указали, – проблема искусства, творчества. В шукшинской публицистике 60-х гг. эта проблема предстанет в виде ряда аспектов: проблема правдивого героя, проблема правдивого актера, проблема правдивого сюжета. В эссе же будущий писатель и кинорежиссер актуализирует еще один аспект проблемы – право на творчество. «Киты» с их, казалось бы, неоспоримой претензией на право учиться во ВГИКе и, как следствие, профессионально заниматься искусством, отказывают в таком праве автору и другим абитуриентам-провинциалам («В нас они здорово сомневались и не стеснялись говорить это нам в лицо»). И хотя в итоге «киты», в отличие от автора, не выдерживают экзамена и не попадают в институт, т. е. именно они показывают свою несостоятельность, в реальности самому Шукшину еще не раз придется доказывать другим «китам» свое право на творчество, на самостоятельную точку зрения в искусстве, причем не только в период учебы во ВГИКе, но и в последующие годы работы в кино и литературе. Неслучайно именно об этом он скажет в своем последнем интервью («Последние разговоры»): «В институт я пришел глубоко сельским человеком, далеким от искусства. Мне казалось, всем это было видно. <...> И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу. И, как ни странно, каким-то искривленным и неожиданным образом я подогревал в людях уверенность, что – правильно, это вы должны заниматься искусством, а не я. Но я знал, вперед знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными. Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного» (Т. 8. С. 210).

Интерес вызывают языковые особенности работы. В отличие от сухого языка избилующих штампами «сростинских» статей 1953 г., вступительная работа написана свободным, живым языком, указывающим на яркую индивидуальность ее автора. Неслучайно Дж. Гивенс утверждает, что именно «Киты» дали рождение уникальному языку прозы В. М. Шукшина [Givens, 1996. P. XVIII]. С одной стороны, Шукшин здесь прибегает к уже знакомым нам по первым

статьям приемам языка и поэтики. Это: **повтор** («*Всем нам когда-то пришла в голову очень странная мысль – посвятить себя искусству. <...> Мы очень самостоятельные люди и всем своим видом показываем, что мы родились для искусства*»); **ирония** («*Каждый знает, что он талантливее других и доказывает это каждым словом, каждым своим движением. <...> Этот, наверное, не терпит мелочности в людях и, чтобы водиться с ним, нужно всякий раз рассчитывать за выпитое вместе пиво не моргнув глазом, ничем не выдавая своей досады*»); **диалогизация** («*<...> они не ночевали в общежитии, а явившись утром, на наш вопрос ответили туманно: / – Да, так, в одном месте /... Впрочем, кто-то из нас, отвернувшись, негромко сказал: / – У тетки, наверное, в Москве ночевали*»); **цитация**² («*<...> поют под аккомпанемент гитары “сильные вещи”*»; «*<...> в кинематографии “беспорядочек правильный”*»; «*<...> начали “закидывать” его ненужными вопросами*») (Т. 1. С. 323–325).

С другой стороны, в работе представлены и новые приемы поэтики, которые отныне станут отличительными чертами идиостиля В. М. Шукшина. Так, значительно расширенное использование диалогизации и особенно цитации позволило писателю ввести в авторский речевой слой текста отдельные элементы речи персонажей, создающие тип несобственно-авторского повествования – так называемой «**несобственно-прямой речи**». Несобственно-прямая речь – самостоятельный способ передачи речи и мысли, совмещающий в себе персонажную и авторскую перспективу в различной качественной репрезентации [Творчество В. М. Шукшина, 2004. С. 121, 146]. В тексте встречается пример несобственно-прямой речи и без прямо выраженной цитации, что характерно для языка зрелой прозы Шукшина-писателя: «*Он, кажется, начинал понимать, что нужно было не так*» (Т. 1. С. 325). Еще одна новая, впоследствии ставшая характерной особенностью идиостиля Шукшина-публициста – **принцип окказиональности** [Творчество В. М. Шукшина, 2004. С. 125]. Он проявляется в приеме отражения нового, неожиданного

представления о жизни, человеческих отношениях или характеристики персонажа на пересечении семантики сразу нескольких лексем, а не в какой-то одной известной лексической единице: «*Среднего роста, худощавый, с полинялыми обсосанными конфетками вместо глаз*»; «*Человечек с бесцветными глазами и прозрачным умом рассказывает*» (Т. 1. С. 324).

Таким образом, работа отличается не только ярким, самобытным языком, но и глубиной, и разнообразием затрагиваемых в ней проблем, актуальных для творчества Шукшина-публициста. В оценке этой творческой работы нельзя не согласиться с В. И. Коробовым: «Любой, прочитавший ее даже в то время, мог сделать вывод: автор прекрасно владеет пером, очень наблюдателен, схватывает самое характерное, самую суть явления, может в нескольких фразах дать портрет человека, обрисовать его характер, вообще оригинально и самобытно мыслит, ненавязчиво, с юмором, но вполне определенно проявляет свои гражданские и нравственные чувства» [1984. С. 32].

Яркие публицистические черты имеют и учебные режиссерские этюды В. М. Шукшина, созданные им на первом курсе ВГИКа: «Глаза», «Человек» и «Люся» (Т. 9. С. 8–15), хотя к публицистическим произведениям в чистом виде их отнести нельзя.

Итак, первые публицистические работы В. М. Шукшина 1953–1954 гг. демонстрируют наличие тематического, жанрового и языкового базиса, на основе которого через 7 лет (в 1961 г., после появления интервью «Актером я стал случайно») начнет свое становление полноценная шукшинская публицистика. Рожденные в ее недрах программные статьи «Вопрос самому себе» (1966), «Монолог на лестнице» (1968), «Нравственность есть Правда» (1969) стали не только эпохальными, определяющими для творчества великого русского писателя и кинорежиссера В. М. Шукшина, но и по праву вошли в золотой фонд отечественной публицистической мысли.

Список литературы

Богданович В. Актер, писатель, режиссер // Молодой целинник [Целиноград]. 1965. 17 авг. С. 3.

Василий Макарович Шукшин. Библиографический указатель / Под ред. В. Ф. Гор-

² В приведенных примерах, на наш взгляд, В. М. Шукшин явно цитирует высказывания «китов», содержащие жаргонизмы.

на, Л. И. Лукьяновой. Барнаул: Полиграфист, 1994. 160 с.

Гришаев В. Ф. Шукшин. Сrostки. Пикет. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. 152 с.

Коробов В. И. Василий Шукшин. М.: Современник, 1984. 286 с.

Куляпин А. И. Творческая эволюция В. М. Шукшина: Моногр. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. 204 с.

Марьин Д. В. Письма, автобиографии и автографы В. М. Шукшина: Моногр. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. 168 с.

Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / Науч. ред. А. А. Чувакин; ред.-сост. В. А. Чеснокова, А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. Т. 1: Филологическое шукшиноведение. Личность В. М. Шукшина. Язык произведений В. М. Шукшина. 332 с.

Чумиков А. Н. Медиарилейшнз: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2014. 184 с.

Ягункова Л. Д. Василий Шукшин. Земной праведник. М.: Алгоритм: Эксмо, 2009. 320 с.

Givens J. Vasily Shukshin: A Storyteller's Story. Introduction to: Shukshin V. Stories from a Siberian Village. DeKalb: Northern Illinois Univ. Press, 1996. P. XV–XLIII.

Список источников

Шукшин В. М. Вот моя деревня // Комсомольская правда. 1979. 17 июня. С. 2.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. / Под ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Материал поступил в редколлегию 04.11.2014

D. V. Maryin

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation*

dvmariyin@mail.ru

V. M. SHUKSHIN AS A JOURNALIST: THE BEGINNING

The author refers to the description and analysis of the first journalistic texts of the famous Russian writer V. M. Shukshin. At least four works which can be attributed to the journalistic genres were already written in 1953–1954. These first papers of the future famous writer have not become the object of study in the history of journalism before. The author argues that in these works the main features of themes, language and poetics inherent of mature Shukshin-journalist appeared. The paper analyzes in detail the history of the creation of these first works, their genre, language and compositional characteristics. Also, the author pays special attention to the role of the first nonfiction texts in biography of V. M. Shukshin, as well as within the whole context of his creative work.

Keywords: history of journalism, Russian literature of the XXth century, life and work of V. M. Shukshin.